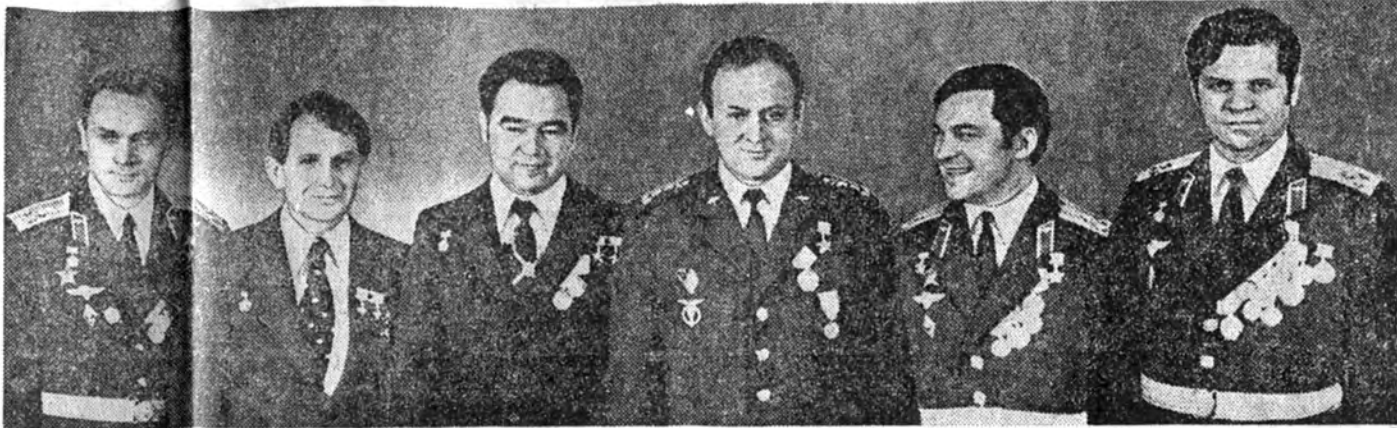

До отказа был заполнен Актывый зал Московского университета в день, когда здесь состоялась пресс-конференция, посвященная итогам работы орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз». В президиуме — видные советские ученые, создатели космической техники, руководители подготовки космонавтов, все три экипажа — участники беспрецедентной космической вахты. А в зале — журнали-

стский корпус столицы, корреспонденты зарубежных агентств и газет.

Вопросы, вопросы, вопросы... Самые разные — от сугубо специальных до чисто бытовых. Чтобы ответить на все, наверное, нужно было бы еще... 96 дней. Рассказать обо всем невозможно — вот лишь некоторые штрихи, характеризующие непринужденную обстановку этой памятной встречи.

мов теоретических занятий и работы на тренажерах.

— Видели ли вы в космосе «летающие тарелки»?

МАКАРОВ: Не довелось. Лучше пусть Георгий Михайлович об этом расскажет — они летали дольше, видели больше.

ГРЕЧКО: Джанибеков и Макаров не видели ни одной, ну а мы в шестнадцать раз больше — перемножьте, и получите результат. Мы видели за время полета два спутника — один наблюдали недолго, за другим следили около двух суток. Очень нам хотелось бы, чтобы «тарелки» существовали, чтобы на них были бы экипажи из других миров; а базировались бы они где-нибудь в районе Бермудского треугольника. Но мы тысячу раз пролетали над Бермудами и ничего не заметили.

Я лично в «летающие тарелки» не верю. Однажды мы видели, как выше облаков плавают нечто, похожее на льдины. Можно, конечно, допустить, что это «пришельцы», желая остаться незамеченными, оборудовали за облаками каток и выписывают там пируэты на коньках. Мы засняли эти «льдины». Думаю, логичнее предположить, что это просто природное явление, которое пока ученые объяснить не могут.

Есть масса «доказательств» существования «летающих тарелок» — мне было бы достаточно одного, но такого, которое можно было бы перепроверить, чем тысячи таких, которые проверке не поддаются. А я думаю, что если бы «пришельцы» существовали, такие неопровержимые доказательства были бы.

— Какую музыку вы предпочитали в космосе?

ГРЕЧКО: Слушать серьезную музыку и работать одновременно просто невозможно. Поэтому мы большей

частью «заказывали» ритмичную — она звучала под сурдинку, пока мы вели эксперименты. А из песен нам больше всего запомнилась одна — вот с таким припевом: «Если долго мучиться, что-нибудь получится».

— Экипаж «Союза-28» доставил на борт станции две картины художника Андрея Соколова. Какова их дальнейшая судьба?

РОМАНЕНКО: Нам было приятно взглянуть на свою станцию со стороны, тем более — глазами художника. Правда, у нас была для этого и другая возможность — с помощью скафандра из открытого космоса. Но выход был кратковременным, а картинами можно любоваться постоянно. Они нам так понравились, что мы... решили их оставить на борту, чтобы следующая экспедиция нашла станцию более обжитой и уютной. Были у нас и другие работы — фамилия их автора тоже Соколов, но тема картин этого художника иная — теплые, лиричные подмосковные пейзажи. Были рисунки. Словом, наши «ремесники» смогут познакомиться с первой космической выставкой живописи.

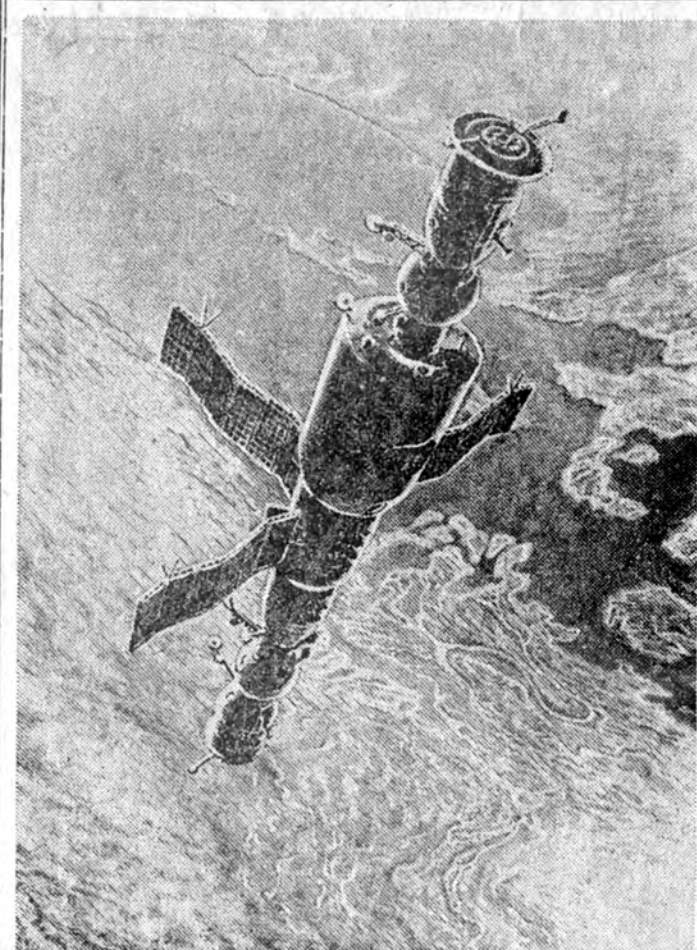
— Что было самым трудным в полете?

РОМАНЕНКО: Два момента — первый, когда профессиональная дисциплинированность космонавта боролась с чисто человеческим любопытством — хотелось выглянуть в открытый космос. И второй — прощение со станции. За три месяца «Салют-6» стал для нас не только рабочей лабораторией, но и родным домом. Каждый шесть дней Центр управления полетом устраивал нам радиосвидания с семьями — и порой казалось, что мы не в такой уж далекой командировке.

Г. ЛОМАНОВ.
(Наш спец. корр.)

ЭКИПАЖИ ОРБИТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА:

«В КОСМОСЕ НЕТ ЛЕГКИХ ПУТЕЙ»

На этой репродукции с работы художника А. Соколова — космический комплекс «Салют-6» — «Союз», на борту которого хранится оригинал картины.

— Мы понимали, что успех дела зависит и от того, как мы сумеем организовать свою работу. — говорил командир «Салюта-6» Ю. Романенко. — Надо сказать, что наша деятельность не была регламентирована так уж строго. Центр управления полетом нередко давал нам тематику научных экспериментов, устанавливал «лимиты» на расход горючего, электроэнергии, а уж подробнее мы планировали работу сами. Распорядок дня на станции был максимально приближен к земному — мы трудились и отдыхали по московскому времени. Такой режим, введенный впервые, повысил эффективность исследований: работоспособность при нем выше, чем, если живешь в так называемом «витковом» времени, когда космические сутки постоянно мигрируют относительно земных. И, конечно, успешное выполнение программы было бы невозможно без той атмосферы дружбы и взаимопомощи, которая прочно установилась в нашем маленьком коллективе. Мы старались максимально облегчить друг другу работу, а она была очень сложной и трудной — в космосе нет легких путей.

На протяжении трех месяцев полета мы, корреспонденты, часто слышали в сеансах радиосвязи искренне-остроумные реплики бортинженера — и здесь Г. Гречко остался верен себе. Рассказ об испытании новых ска-

фандров, о своем выходе в открытый космос Георгий Михайлович закончил неожиданным сообщением:

— Естественно, что командир, находясь в метре от открытого космоса, не мог не воспользоваться такой возможностью. И как только я вошел в станцию, Юра тут же из нее вышел. Я увидел, как он пролетел мимо меня, и успел придержать его. Так что в космос Юра вышел, а от станции не уплыл.

Понять, когда Георгий Михайлович говорит в шутку, а когда — всерьез, нелегко. Эксперимент «Резонанс», о котором мы рассказывали читателям в одном из репортажей, теперь в интерпретации бортинженера прозвучал так:

— Сначала мы раскачивали комплекс осторожно: побаивались, потом — смелее, а под конец так, что в иллюминатор станции было видно, как корабль за угол заворачивал.

Что ж, это закономерно — тяготы быстро забываются, а веселые эпизоды надолго остаются в памяти, постепенно обрастая подробностями. Если же говорить серьезно, во время полета научно-исследовательского комплекса был получен настолько обширный и значительный материал, что на его обработку и осмысление нужны не дни или недели, а месяцы.

— Операторов «Зари» иногда называют третьим

членом экипажа, как вы оцениваете их участие в программе полета?

ГРЕЧКО: Они нам очень помогали, работали, не считаясь со временем. Один наш добрый знакомый все время в две смены трудился. Ну, мы думали — ничего страшного, человек холостой. А потом узнали, что он в то время как раз только что женился — вот перед ним мы чувствуем себя немного виноватыми.

— Ваши впечатления от первого полета?

РЕМЕК: Мне трудно сегодня выделить наиболее запомнившиеся эпизоды — стыковка, встреча с друзьями, первый взгляд из космоса на землю родной Чехословакии, первые шаги после возвращения — все это слилось в одну яркую и незабываемую картину.

— Как вам понравилось космическое меню?

РЕМЕК: Единственный его недостаток — на борту нет пива. Если же серьезно — мы, к сожалению, были на станции недолго, и прискучить оно нам не успело.

— Какие практические выводы можно сделать из подготовки первого интернационального экипажа?

ГУБАРЕВ: Наш с Володиным опыт, думаю, поможет в дальнейшем совершенствовании методики, определении оптимальных сроков подготовки, распределении объе-